

Публицистические аспекты
стихотворения Г.П. Каменева «Мечта»:
поэтика на службе риторики

Алексей В. Саломатин
*Федеральный исследовательский центр
«Казанский научный центр РАН», Казань, Россия;
Академия наук Республики Татарстан, Казань, Россия,
alexey.salomatin@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется стихотворение Г.П. Каменева «Мечта», которое представляет собой своеобразную философскую антиоду: на протяжении 14 строф автор последовательно доказывает тщетность и губительность мечты и лишь в последней, 15-й, предлагает от противного свой вариант положительного идеала. Дидактический характер произведения обуславливает первоочередность риторических задач, стоящих перед стихотворцем, что сказалось как на композиции (амплификация заявленного в начальной строфе тезиса и конспективное суммирование сказанного ранее в 13-й и 14-й строфах), так и на выборе художественных средств, значительную часть которых составляют риторические фигуры. Наряду с риторическими используются и поэтические средства: например, переключение жанрово-стилистического регистра в зависимости от объекта высказывания, что позволяет говорить о произведении Каменева не как о рядовом факте стихотворной публицистики, но как о неординарном поэтическом явлении. Также в статье предлагаются конъектуры, позволяющие прояснить смысл испорченных при первой публикации фрагментов стихотворения.

Ключевые слова: Г.П. Каменев, Г.Р. Державин, М.В. Ломоносов, стихотворная публицистика, риторические фигуры, поэтическая традиция

Для цитирования: Саломатин А.В. Публицистические аспекты стихотворения Г.П. Каменева «Мечта»: поэтика на службе риторики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 6. С. 105–112. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-6-105-112

Publicistic aspects of the poem “Dream”
by Gavriil Kamenev. Poetics serves rhetoric

Alexey V. Salomatin

Federal Research Center “Kazan Scientific Center of Russian Academy of Sciences”, Kazan, Russia; Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia, alexey.salomatin@gmail.com

Abstract. The article offers an analysis of Gavriil Kamenev’s poem “Dream”. The poem turns out to be a kind of a philosophic antide: the author is consistently proving the vanity and fatality of a dream during the first fourteen stanzas and gives by contradiction his view of a positive ideal in the last one. The didactic nature of the poem causes the priority of rhetorical tasks both on compositional level (an amplification of the thesis given in the first stanza and a summary of the above said in 13th and 14th stanzas), and in the choice of the artistic means, most of which are rhetorical figures. Along with rhetorical means, poetic means are used: for example, the change of the object of speech causes the change of the genre and stylistic register, so Kamenev’s poem is not a plain verse publicism, but a not ordinary poetic case. The article also offers two conjectures making the meaning of the damaged during the first publication fragments clean.

Keywords: Gavriil Kamenev, Gavriil Derzhavin, Mikhail Lomonosov, verse publicism, rhetorical figures, poetic tradition

For citation: Salomatin, A.V. (2020), “Publicistic aspects of the poem “Dream” by Gavriil Kamenev. Poetics serves rhetoric”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 105–112, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-6-105-112

Поэтическое наследие Г.П. Каменева (1773–1803)¹ относительно невелико по объему, но разнообразно в жанровом и стилистическом отношении. Анализируемое в статье стихотворение «Мечта» может служить своеобразным примером стихотворной публицистики. При этом автор не ограничивается изложением этических или гражданских максим, но задействует широкий арсенал версификационных средств и оригинально работает со структурой текста.

Стихотворение² было впервые опубликовано в 1796 г. в журнале «Муза» под криптонимом «I-* VII-*»³.носителем последнего

¹ *Карташева Е.И., Пащуров А.Н.* Г.П. Каменев: новые архивные документы // Русская литература. 2011. № 2. С. 100.

² Цит. по: Поэты-радищевцы. Л.: Советский писатель, 1979. С. 435–439. Выделения курсивом, в этом издании опущенные, восстановлены по первой публикации.

³ Муза. 1796. Ч. 1. С. 159–164.

в 1855 г. был указан Каменев⁴, которому текст по сей день традиционно атрибутируется. Данная точка зрения если и не является общепринятой, то, во всяком случае, представляется наиболее убедительной. Помимо несомненного сходства в подписанными произведениями поэта в теме и ее разработке⁵, можно указать и на совокупность лексических и синтаксических соответствий, позволяющих предполагать в Каменеве автора «Мечты»: наличие специфических инверсий, когда один из членов сочетания выносится в обособленную позицию в соседний стих: «Что все влекут часы крылаты / На мощных – к вечности – хребтах», «При всяком – счастье – лишь обете / Несыто плавает в крови!», «С журчащей песнью вверх летели / Со злчных жавронки лугов»⁶ («Мечта») – ср. в поэтическом переложении Каменевым «Авелевой смерти» С. Гесснера (орфография в цитатах приведена в соответствие с современными нормами): «Из сени своя, мыслей туманных тьмою, / Шел Каин, утеснен, задумчивой стопою», «Освободя его, смерть, тяжких тела уз, / В теснейший вовела со вечностью союз»⁷; последовательное использование слова «мечта» в отрицательном контексте (в той же «Авелевой смерти» это слово зачастую обладает негативными коннотациями, порою подкрепленными дерогативными эпитетами: «страшная мечта», «гнусная мечта», «злейшия мечты»⁸); употребление слова «флер», довольно редкого в русской литературе рубежа XVIII–XIX вв., встречающегося у Каменева еще минимум дважды («Громвал» и «Вечер 14 июня 1801 года»).

Стихотворение, написанное восьмистишиями *Я4жм*, представляет собой своего рода философскую антиоду: на протяжении 14 строф из 15 последовательно раскрывается тщетность и губительность мечты и лишь в заключительной от противного формулируется положительный идеал.

П.А. Орлов характеризует устройство философской оды рубежа XVIII–XIX вв. следующим образом: «Объект размышления выносился в название произведения. В оде одновременно было представлено и «заблуждение», с которым поэт вступал в полемику, и «истина», которую он самоотверженно защищал, вследствие чего правильный взгляд на мир как бы завоевывался на глазах чи-

⁴Тихонравов Н.С. Мелочи из запаса моей памяти Мих. Дмитриева // Отечественные записки. 1855. № 1. С. 18.

⁵См.: Поэты-радищевцы. Л.: Советский писатель, 1935. С. 11–12.

⁶В первой публикации слово «жавронки» выделено запятыми.

⁷Каменев Г.П. Авелева Смерть // Сб. учено-лит. о-ва при Юрьевском ун-те. 1909. Т. XV. С. 220, 257.

⁸Там же. С. 228, 230, 235.

тателя, а не преподносился ему в готовой и безапелляционной форме» [Орлов 1979, с. 16]. Закономерно, что в описанной ситуации стихотворение сближается с произведением ораторского искусства и строится по закону не столько поэтики, сколько риторики. Основой суггестивности становится не *τρόπος* (троп), а *τόπος* (топос), что, вкуче с установкой на публицистичность, легитимизирует литературные практики, в иных случаях идентифицируемые как приметы дилетантского письма или эпигонства (к примеру, воспроизведение удачных находок предшественников). Сказанное, разумеется, не исключает оригинальных поэтических находок, однако поэтические средства находятся в заведомом подчинении у риторических задач и выполняют преимущественно орнаментальную функцию.

Рассмотрим, как сказанное реализуется в тексте «Мечты».

Стихотворение построено на амплификации заявленного в начальных строках тезиса, сформулированного в виде цепи риторических вопросов: «Доколе тусклыми лучами / Нас будешь ты венчать, мечта? / Доколе мы, гордясь венцами, / Не узрим – что есть суета?». Вообще для текста стихотворения характерно нагнетание риторических вопросов, восклицаний и обращений, без которых обходится редкая строфа. В ряде случаев риторическое начало усиливается поэтическим: обратим, например, внимание на акцентирование стиха «Где дерзкие теперь Япеты?» просодическими средствами. Начинаясь со сверхсхемного ударения, он пронизан единым ударным э, при этом попарно совпадают и предшествующие ему согласные.

В развитие вводимой этим стихом темы обреченности гордецов возникает образ самодовольного, но недалёковидного вельможи: «Мы жадно ищем вверх степени, / Взойдем – но ах! конец какой? // “Какой? – Вельможа так вещает. – Я буду знаменит, велик!..”». Эффектный межстрофный анадиплосис, по-видимому, внушен аналогичным в оде «Бог» Г.Р. Державина: «Я есмь; – конечно есть и ты! // Ты есть! – природы чин вещает»⁹, в пользу чего свидетельствует ритмико-синтаксическое эхо в приведенных строках (у Державина анадиплосис также осложнен хиазмом, рокирующим в повторяющейся конструкции тему и рему).

Заносчивые рассуждения персонажа прерывает, опять же в державинской традиции, грянувший гром, у Каменева – в виде эмблематической смерти, облокотившейся на косу. Заметим, что строка «Коса на выю вдруг пригнулась» могла вызывать у читателей тех

⁹ Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 107.

лет вполне злободневные ассоциации с недавними событиями во Франции; в этом случае смерть становилась персонификацией не рока вообще, а революционной стихии.

От вельможи, мечтавшего о том, как его «из злата изваянно / Лицо пребудет в род и род», по смерти «осталась глыба лишь земли», что вновь заставляет вспомнить «Вельможу» державинского¹⁰: «Кумир, поставленный в позор, / Несмысленную чернь прельщает... Се глыба грязи позлащенной!» (в протоварианте текста, оде «На знатность» (опубл. 1776), – «образ грязи позлащенной»). При этом на момент выхода «Мечты» «Вельможа» еще не был опубликован и распространялся в списках, что сообщает аллюзиям на него характер не только апелляции к авторитету, но и маркера для посвященных.

К слову, сам Державин во время написания «Вельможи», по-видимому, находился под впечатлением от «Оды на великолепный карусель, представленный в Санкт-Петербурге 1766 года»¹¹ В.П. Петрова, о чем свидетельствует ряд текстуальных переключек, не столь значимых по отдельности, но в совокупности уже довольно примечательных: «Во рвении, в пыли и в поте» (Петров) – «Быв странником, в пыли и в поте» (Державин); «Там муж, украшен сединою, / Той лавры раздает рукою, / Из коей в бранях гром метал» (Петров) – «А там израненный герой, / Как лунь во бранях посевший... Которого в бою рука / Избавила тебя от смерти, – / Он хочет руку ту простерти / Для хлеба от тебя куска» (Державин). Во втором случае один персонаж распадается на два (хотя согбенный на костылях старый воин тоже вполне может быть седовласым). Также в обеих одах упоминается древнеримский герой Камилл. Речь, разумеется, идет не о сознательной ориентации на предшественника, а об одном из источников вдохновения.

Вернемся к Каменеву. После рассказа о печальной судьбе вельможи следует развернутый пассаж, направленный против мечты как таковой: «Очаровать воображенье, / Вскормить надежду, возгордиться, / Представить грезы, самомнение, / Рассыпав маки – сны родить... / Вот милые твои законы!». Он представляет собой – в терминологии А.К. Жолковского [Жолковский 2020, с. 5–50] – абсолютную инфинитивную серию из пяти членов, подводящую к резюме, выраженному указательным номинативным предложением. Фрагмент воспроизводит модели «Портрета» А.А. Ржевского и «Модного остроумия» Державина, относимых Жолковским к сатирической разновидности инфинитивного

¹⁰ Там же. С. 155–160.

¹¹ Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. Т. 1. С. 326–332.

письма, являющейся, как представляется, частным случаем линии инвективной. Использование инфинитивных конструкций, внеположных категории времени, позволяет Каменеву дать предельно обобщающую характеристику мечты, что типологически роднит приведенный фрагмент с эпиграммой, которая, «фиксируя событие или свойство объекта, переводит тем самым их из плоскости динамически изменчивого времени в плоскость статической вечности, постулируя незаблемость заявленных характеристик... Эпиграмма... не столько констатирует, сколько конституирует нечто, стремясь не описать, а определить объект» [Саломатин 2017, с. 145–146].

Затем Каменев переходит от глобальных обобщений к рефлексиям лирического субъекта над собственной судьбой, и патетическая ода уступает место скорбной элегии: «Давно ль на лоне я спокойства / Утехи кроткие вкушал? / И слезы бисерны довольства / Я с другом нежным проливал? <...> Завыли бурны аквилоны – / И вздрогнул бранный мой состав».

Но уже в следующей строфе, примечательной с точки зрения композиции, вновь возвращается одическое начало: «Как ветер ревет в полях пространных / Между серебристым ковылем; / Как вихрь в реках златопесчаных / Крутит, мешая воду с дном; / Как буйны, мощны ураганы / Все ломают, низвергают, прут – / Так нас болезни, страхи, раны / Колеблют, рушат и мнут». Строфа, представляющая собой развернутое сравнение, начинается с градации (ветер, вихрь, ураганы), сопряженной с распространением стихии в пространстве: на суше, на воде, всюду. Крайне любопытен пример использования частого в русской оде XVIII в. гендиатриса. М.И. Шапир приводит интереснейший случай организации стихотворного синтаксиса в строках М.В. Ломоносова «Надежда, радость, страх, любовь / Живит, крепит, печалит, клонит»: «каждое сказуемое стоит непосредственно под подлежащим... При нормальном порядке слов соседние стихи были бы связаны как простые предложения в составе бессоюзного сложного периода – вместо этого у Ломоносова через одну клаузулу проходят четыре предикативных связи» [Шапир 2009, с. 17]. Подобную конструкцию наблюдаем и у Каменева – пусть менее стройную (мнут скорее страхи, чем раны), зато подкрепленную параллелизмом глаголов: ломают – колеблют, низвергают – рушат, прут – мнут. Отметим также очередную аллюзию на Державина: «Там бурны дышат непогоды, / Горам подобно гонят воды / И с пеною песок мутят»¹² («К первому соседу»).

¹² Державин Г.Р. Указ. соч. С. 152.

Далее вновь происходит переключение жанрово-стилистического регистра на элегический: лирический субъект сокрушается о безвременной смерти возлюбленной. С точки зрения организации художественного пространства здесь очень любопытен следующий идилический флешбэк: «Вдали от нас ключи шумели, / Бия каскадами с холмов; / С журчащей песнью вверх летели / Со зланных жавронки лугов». Влюбленные помещаются в центр мироздания, которое буквально вращается вокруг них: движение сверху вниз задано ключами, снизу вверх – жаворонками.

13-я и 14-я строфы содержат – вполне в традиции публичных речей – концентрированное обобщение сказанного ранее – вплоть до едва не буквальных повторов («рассыпятся состава звенья», «се горсть презренной глины / Из тел, напыщенных *собой*» и т. д.), – предваряющее итоговый вывод.

13-я строфа в первой публикации, воспроизводимой во всех последующих изданиях Каменева, была испорчена и содержит пропуск: «Сулит нам <...> златотканы, / Богаты теремы, чины». Предлагаем конъектуру: <ризы>. Получающаяся в этом случае триада тяготеет к смысловой полноте, столь ценимой Каменевым, стремившимся, как видно на примере предшествующих строф, максимально вырабатывать топику: власть духовная («ризы златотканы»), власть мирская (синекдоха «богаты теремы», подразумевающая богатство вообще) и власть гражданская («чины»).

Заключительная строфа, в которой постулируется необходимость служения ближним в качестве единственной истинной и непреходящей ценности, тоже, по-видимому, содержала ошибку наборщика, превращавшую текст в бессмыслицу: «Едина правда, добродетель / Не будет век не суета! / Прямой кто всем друг, благодетель, / Того есть цель – уж не мечта». Вместо абсурдного двойного отрицания во втором стихе предлагаем конъектуру: «<Се> будет век не суета!».

Итак, Каменев, применяя как риторические, так и собственно поэтические приемы, удерживает внимание читателя, ведя последнего от инвективного тезиса к положительному идеалу. Несмотря на примат риторического начала, нетривиальное использование версификационного инструментария придает стихотворной публицистике свойства истинно поэтического произведения.

Литература

Жолковский 2020 – Жолковский А.К. Русская инфинитивная поэзия XVIII–XX веков: Антология. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

- Орлов 1979 – Орлов П.А. Поэты-радищевцы // Поэты-радищевцы. Л.: Советский писатель, 1979. С. 5–52.
- Саломатин 2017 – Саломатин А.В. Реализация эпиграмматической структуры в стихотворениях Ф.И. Тютчева // *Noscere est comparare: Компаративистика в контексте исторической поэтики: К юбилею Игоря Шайтанова* / Отв. ред. и автор вступления О.И. Половинкина. М.: РРГУ, 2017. С. 142–154.
- Шапир 2009 – Шапир М.И. Статьи о Пушкине. М.: Языки славянских культур, 2009.

References

- Orlov, P.A. (1979), “The ‘Radishchevtsy’ poets”, *Poety-radishchevtsy* [“The ‘Radishchevtsy’ poets”], *Sovetskii pisatel’*, Leningrad, Russia, pp. 5-52.
- Salomatin, A.V. (2017), “Epigrammatic Structure Realization in the Verses of F.I. Tyutchev”, in Polovinkina, O.E. ed., *Noscere est comparare: Komparativistika v kontekste istoricheskoi poetiki: K yubileyu Igoria Shaytanova* [Noscere est comparare: Comparativistics in the context of historical poetics. Towards the jubilee of Igor Shaitanov], RHSU, Moscow, Russia, pp. 142-154.
- Shapir, M.I. (2009), *Stat’i o Pushkine* [Articles on Pushkin], Iazyki slavianskikh kul’tur, Moscow, Russia.
- Zholkovsky, A.K. (2020), *Ruskaia infinitivnaia poeziia XVIII-XX vekov. Antologiya* [Russian infinitive poetry of 18th-20th centuries. Anthology], Novoie literaturnoie obozreniie, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Алексей В. Саломатин, кандидат филологических наук, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр РАН», Казань, Россия; 420111, Россия, Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31;

Академия наук Республики Татарстан, Казань, Россия; 420111, Россия, Казань, ул. Баумана, д. 20; alexey.salomatin@gmail.com

Information about the author

Alexey V. Salomatin, Cand. of Sci. (Philology), Federal Research Center “Kazan Scientific Center of Russian Academy of Sciences”, Kazan, Russia; bld. 2/31, Lobachevskogo Str., Kazan, Russia, 420111;

Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia; bld. 20, Bauman Str., Kazan, Russia, 420111; alexey.salomatin@gmail.com